

Томский государственный университет
Российский фонд фундаментальных исследований

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ
СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ
И ФИЛОСОФИИ

Сборник научных статей
по материалам Всероссийской научной конференции,
проведенной философским факультетом
Томского государственного университета
25-26 мая 1999 г.

Издательство «ВОДОЛЕЙ»
ТОМСК — 1999

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайдеггер М. Введение к «Что такое метафизика?» // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993

Статья опубликована при поддержке РФНО.
Грант № 98-03-00053.

В. Н. СВИСТУНОВ

Дуализм новоевропейского знания

Новоевропейская наука в лице Галилея и его последователей совершила открытие, ставшее «рогом изобилия» современной технологической цивилизации. Оно состоит в утверждении, что поведение природы будет более предсказуемо, если думать о вещах, как о теоретических (ментальных) конструктах, а не размышлять о них в духе аристотелевской (мета-)физики — анимистически, телеологически, антропоморфически. То есть власть над Вселенной становится неограниченной, если думать о ней как о бесконечной, холодной и некомфортной, нежели воспринимая ее как конечную, domesticiрованную, с заданным планом и соотношенную с человеческой судьбой.

В чем секрет успеха этого открытия? Ответ, даваемый философией Нового времени, был метафорическим: галилеевской науке удалось открыть язык, на котором говорит сама Природа. Это значит, что слова Галилея «Книга Природы написана на языке математики», подразумевают не просто тот факт, что математический словарь оказался работающим, а то, что он оказался рабочим, потому что вещи таковы на самом деле. Этот словарь — ключ к замку Вселенной. И одновременно этот словарь — невыносимая проблема для философии, которая так и не смогла придать какой-то смысл понятиям «работающий словарь» и «вещи как они есть на самом деле».

Эта проблема передавалась по цепочке Декарт–Локк–Беркли–Юм и привела к совершенно безнадежной ситуации, выраженной в предположении Канта считать, что ключ работает только потому, что мы, сами того не зная, располагаем замком, сконструированным специально под этот ключ. Стало быть, никаких «естественных» секретов у мира нет. И это дает возможность самим создавать миры посредством создания новых словарей. Так множатся науки, возникает философия культуры и закладываются все отличительные признаки «неклассических» представлений о мире.

Все это происходило на фоне непрекращающихся попыток изолировать науку от не-науки с помощью понятий «строгость», «метод», «объективность». Фило-

софы, занимавшиеся этим (все разновидности позитивизма), интуитивно считали верной метафору «Язык Самой Природы», даже если ни идеализм, ни реализм не могут объяснить, в чем же собственно состоит воображаемое «соответствие» между языком культуры и языком науки.

Многие мыслители предложили отказаться от представления о науке как «путешествия» к цели, именуемой «соответствие с реальностью». Этот отказ ведет к отказу от метода. Высказывание «этот словарь работает для заданной цели лучше, чем другой словарь» означает, что не существует «абсолютного» словаря и не существует естественной взаимосвязи словаря с «вещами самими по себе».

Систематический метод мышления, генерируемый физикой Галилея и аналитической геометрией Декарта, представлял собой интуитивно найденную стратегию представления природы в виде «математической Вселенной». Неудача этого метода в том, что с его помощью пытались нивелировать различие между этим математическим представлением и философским (метафизическим), вместо того, чтобы попытаться артикулировать само это различие.

Решение Декарта применить этот метод к презентации мышления завершился неудачей и привел европейскую философию к кризису. Эта неудача была вызвана смещением двух различных типов идеализации, используемых при презентации: познаваемого объекта и самого познающего мышления (в форме метода)...

Метод теоретического конструирования, впервые введенный в западноевропейской культуре Галилеем, вел к созданию «идеальных моделей» тела. Законы механики были сформулированы именно для этого воображаемого тела, существующего только в мышлении Галилея. Хотя он экспериментировал с реальными физическими телами, но результаты этих экспериментов превращал в нечто иное: в понятие, в концепцию, которой отныне обеспечивало право на существование в мире развивающейся науки.

Галилеевская концептуальная парадигма — единственная, малоизменившаяся в последующей истории науки. Вся современная наука развивается обнаруженным Галилеем способом «нагромождения» подобных «невозможных» предположений в процессах ментального конструирования. «Невозможность» состоит в целенаправленном изменении путем абстрагирования объектов познания. Подобный произвол заключается в привнесении в экспериментальную ситуацию субъективных результатов активности мышления и становится предварительным условием получения нового знания. Ментальные конструкции уже не просто «костыли» для познавательных процедур: они и есть это знание.

Этот метод ментального конструирования по сути никак не привился в западной философии. Философия не сумела повторить то, что осуществил Галилей — преодолеть «естественную установку» своего анализа. Представления о «естественности» когнитивных способностей человека все еще господствуют здесь, удерживается ориентация на «истину», «достоверность», «последовательность» и т.д. Успех Декарта-ученого обусловлен применением им метода «ментального

конструирования». Неудача Декарта-философа в его попытке реформировать философию обусловлена позицией знаменитого «радикального сомнения» как «естественного» состояния мышления. Если бы он представил мышление во всей его внутренней противоречивости (т.е. не устранял, а сохранял себя как конкретную эмпирическую, многообразно определенную субъективность), то можно было бы видеть, что подвергнуть сомнению за пределами мышления можно все, а бесконечное число моделей ментального конструирования — вне всякого сомнения. Декарт пошел по другому пути: он натурализовал сомневающегося субъекта мысли, представил его как воображаемый «медитирующий разум» и тем самым породил новую философскую мифологию, именуемую эпистемологией. В рамках ее продолжается редукция философской мысли к «естественному менталитету» субъекта, который «мыслит». И в рамках этой редукции идея об антиномичности философской мысли и опыта является невозможной.

О.А.КРАЕВСКАЯ

Герменевтика: время и временность

В философской герменевтике тематизация времени осуществляется коррелятивно тем или иным компонентам герменевтической методологии, которые в совокупности с основными интенциями составляют специфичность и особенность конкретных версий герменевтики. Формально при первом приближении это можно представить так: один путь ведет герменевтику по онтологической линии тематизации времени, другой — есть проявление претензий эпистемологии и изначальных герменевтических интересов к гносеологическому статусу времени.

Интерпретацию связи конститутивной функции феномена времени и его онтогносеологического статуса и имеет целью данный очерк. Тем более, что это отвечает фундаментальному интересу философской герменевтики, феноменологии, постструктурализма к феномену времени: у каждого крупного философа проблематика временности становится неизбежной и необходимой, что позволяет говорить о том, что, возможно, не различие позиций и конкретных интенций определяет то или иное понимание времени, а скорее первичное понимание времени, а точнее, актуализация и интерпретация той или иной функции времени лежит в основе онтологических и гносеологических содержательных моментов данных подходов.

Вышеуказанная связь являет себя впервые наивным образом — через артикуляцию разницы в употреблении грамматических форм понятия-термина «время»: время, темпоральность, временность. Совершенно очевидно использование термина «время» в самых различных смыслах в самых различных дискурсах.